

Обратить взгляд на другого человека

Рождество верующих, жесты человечности, трогающие сердце

Милосердие, любовь достигает нас в лицах незнакомых людей, чья радость возвращает нам нашу жизнь и вновь открывает нам Божий замысел.

Хулиан Каррон*

Уважаемый главный редактор, все чаще люди приходят в изумление от простых человеческих жестов, которым мы уже не придаем почти никакого значения – настолько они для нас нормальны и привычны. В одном центре по приему мигрантов волонтер обратился по имени к беженцу из Пакистана и спросил, что бы он хотел на обед: пасту с соусом или без, мясо или рыбу. Растроганный, тот расплакался в ответ. Девушка знакомится с болгариним и вскоре отправляет ему сообщение: «Как дела?» – и его поражает, что практически незнакомый человек интересуется им. Я мог бы до бесконечности рассказывать такие истории, повествующие как о едва заметных, так и о внушительных поступках. Подумаем о немцах и австрийцах, бросившихся к границе, чтобы принять беженцев, или о людях, которые ежедневно оказывают поддержку тем, кто причаливает к итальянским берегам. Все это кажется лишь малостью на фоне масштабных проблем, стоящих перед нами, однако какими бы банальными, незначительными или само собой разумеющимися ни представлялись нам описанные эпизоды, для каждого, с кем произошло нечто подобное, они невероятны.

Может ли настолько поразить простое проявление хорошего воспитания? Чтобы так смотреть на беженца или так обращаться к малознакомому человеку, требуется что-то еще, и это что-то почти полностью стерлось из нашего сознания. Сквозь слезы пакистанский беженец рассказывает о годах, проведенных в другой части мира, где его работодатель никогда не называл его по имени и где ему приходилось утолять голод лишь плоской риса. И вот теперь кто-то зовет его по имени и даже спрашивает, чего ему хочется на обед.

Мы давно уже не сознаем, в чем истоки такого взгляда на человека, а потому и жесты, рождающиеся от него, могут стать нам чуждыми. Поэтому необходимо, чтобы кто-то одним лишь изумленным выражением лица вернул нам сознание о нашей истории и о том, что мы несем.

Откуда берется этот взгляд, это уважение к другим людям, вызывающие у них удивление? Дело, конечно, не в том, что мы «лучше остальных». Просто мы принадлежим истории, которая началась с древнего народа Израиля и породила нас, позволив уловить всю взволнованность Бога по отношению к нам, не зависящую от наших способностей. О ней говорил пророк Исаия: «Возвеселись, неплодная, нерождающая; воскликни и возгласи, немучившаяся родами». Этот Бог, невзирая на все наши ошибки, без усталости повторяет нам: «Ты забудешь посрамление юности твоей и не будешь более вспоминать о бесславии вдовства твоего» (Ис. 54:1, 4). Какому человеку не хочется, чтобы на него так смотрели? «На малое время Я оставил тебя, но с великою милостью восприму тебя. В жару гнева Я сокрыл от тебя лице Мое на время, но вечною милостью помиую тебя» (Ис. 54:7–8). И эта любовь, эта пламенная любовь касается твоей жизни, не человечества вообще, а твоей жизни. К моей жизни обращены эти слова, как напоминает нам папа Франциск: «Для тебя, для тебя, для тебя, для меня. Действенная, реальная любовь. Любовь исцеляющая, прощающая, поднимающая, заботливая» (10 июля 2015 г.).

Мы можем не бояться, не пребывать во власти того, что заставляет нас краснеть, не стыдиться собственной бесплодности лишь в том случае, если осознаем: «Горы сдвинутся,

и холмы поколеблются, – а милость Моя не отступит от тебя, и завет мира Моего не поколеблется, говорит милующий тебя Господь» (Ис. 54:10).

Отдаем ли мы себе отчет в том, что за простыми, на первый взгляд, жестами стоит целая история предпочтения, оказанного нам Богом? История предпочтения, пережитого на опыте освобождения из Египетского плена и позволившего Израилю смотреть на чужестранцев нетипичным для древнего мира образом: «Любите и вы пришельца, ибо сами были пришельцами в земле Египетской» (Втор. 10:19); история предпочтения, достигшего своей высшей точки, когда Слово стало плотью, чтобы обитать среди нас и порождать в жизни Церкви людей, способных смотреть на других со всеобъемлющим интересом к их судьбе. Без сознания о таком взгляде, полном любви ко мне и к тебе, Рождество невозможно! Оно было бы лишь формальным ритуалом, как множество вещей, которые ничто в нас не трогают.

В Рождество уже не свершалось бы вновь и вновь начало великой истории подлинной человечности, частью которой являемся и мы, оно превратилось бы в утомительное повторение традиции, неспособной расшевелить наше сердце и породить жесты человечности, столь удивительные для других людей. И мы благодарны папе, ведь он понял, в чем мы нуждаемся. Год милосердия означает, что тот взгляд присутствует и сегодня. Та же любовь достигает нас там, где мы находимся, такими, какие мы есть, она приходит к нам в лице незнакомых людей, радующихся, подобно Иоанну Крестителю во чреве Елизаветы, и возвращающих нам нашу жизнь, призывающих нас признать замысел Бога (кажущийся «почти ничем»), который вот уже две тысячи лет открывается нам не иначе как в человеческом лице: «Бог, тайна, судьба, ставшая человеком, присутствует здесь и сейчас для меня и для тебя, для всех людей, призванных увидеть Его, заметить Его, в лице – в новом человеческом лице, с которым мы вдруг встречаемся» (отец Луиджи Джуссани). В лице человека, спрашивающего нас с обезоруживающей простотой: «Как тебя зовут? Как дела?» – и трогающего нас до слез.

Признавать, что Бог зовет нас определенным образом, через лица незнакомых людей, – вот единственная возможность сделать не напрасным Его милосердный замысел о нас и продолжать нести свидетельство о взгляде, который по-настоящему освобождает в любой ситуации.

* Президент Братства «Общениа и освобождения»